

St. Petersburg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ТОЧНОСТЬ - ПОЭЗИЯ НАУКИ

**Памяти
Виктора Васильевича Петрова**

Сборник статей

**Центр
"Петербургское Востоковедение"**

**Санкт-Петербург
1992**

В.В.ПЕТРОВ И ЕГО РАБОЧАЯ ЛАБОРАТОРИЯ КИТАИСТА

Л.Н.Меньшиков*

Жизнь Виктора Васильевича Петрова внешне небогата событиями. Окончив в 1947 году среднюю школу (правда, с золотой медалью), он поступил на китайское отделение восточного факультета Ленинградского университета, окончил его в 1951 году досрочно и сразу же стал членом кафедры китайской филологии, где оставался до самой своей смерти на должности старшего преподавателя. Он еще студентом начал печатать статьи о современной китайской литературе – едва ли не первым в послевоенный период – в единственном тогда ленинградском литературном журнале "Звезда" с 1950 г. Потом последовали другие работы, предисловия к сборникам, переводы и, наконец, первая русская монография о современном писателе, поэте Ай Цине (1954 г.). К 1957 г., когда В.В.Петров был принят в Союз Писателей по секции литературной критики, у него набралось более тридцати печатных работ. Только однажды он отсутствовал в Университете целый год – когда единственный раз в его жизни представился случай пройти долговременную стажировку в Китае. Такое положение, конечно, абсурдно: человек, изучающий страну чуть ли не сорок лет, проводит в этой стране всего один год. В то время как в интересах дела, которым он занят на государственной службе и по поручению государственного университета, представляется совершенно необходимым и нормальным совершать регулярные поездки в изучаемую страну. Но у нас и раньше, и теперь такие командировки чрезвычайно редки и даются нам в виде великой милости, вопрос же о том, ехать нам или не ехать, решают не интересы дела и даже не учреждения, где мы работаем (университет или институт), а какие-то неведомые нам чиновники,

---

* Меньшиков Лев Николаевич, китаевед, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН.

отделяющиеся формулой "нецелесообразно". Мы все это испытали на себе, и В. В.Петров - в не меньшей степени, чем другие.

Несправедливость по отношению к нему усугублялась еще и тем, что он не был ни кандидатом, ни доктором наук, ни доцентом, ни тем более профессором, хотя по своим знаниям и авторитету в науке был достоин любого из этих званий. Но все попытки приравнять его положение к его общепризнанному авторитету разбивались о стену установленных чиновниками правил. Тут, конечно, сыграло роль и его собственное упорное нежелание преодолевать эти препоны. В.В.Петров сам говаривал про себя: "Я человек не чиновный". К счастью, вес его в науке и в деле воспитания китаеведческих кадров от чинов ни в какой степени не зависел. В ноябре 1971 г. в Москве состоялась Первая всесоюзная конференция китаеведов. В программе В.В.Петров был назван кандидатом наук, и председательствовавший Н.Т.Федоренко, предоставляя ему слово, сказал: "Тут написано "кандидат". Думаю, это неверно, он - по всему - доктор". - И это было всеобщим мнением: в глазах китаеведов В.В.Петров стоял не только выше многих докторов, но подчас и академиков. С его мнением все считались, оно было всегда в точном соответствии с фактами и потому неопровержимо, но его и побаивались за полную бескомпромиссность и беспощадность. Чтобы понять причины такого к В.В.Петрову отношения, нужно рассказать, как он работал и как собирал факты и накапливал знания, лежавшие в основе его суждений и его научных работ. Только после этого можно понять, почему вступать в спор с ним было делом почти безнадежным.

Я помню его с первых студенческих дней. Еще до нашего поступления мы кое-что слышали друг о друге. Мы с ним оказались в одной группе китайской филологии. В первый же день ко мне подошел круглолицый светловолосый молодой человек в очках, одетый во что-то вроде гимнастерки, перепоясанной ремнем (тогда многие щеголяли, скорее, по необходимости, чем в память о недавно окончившейся войне, в такой полувоенной форме). "Ты Меньшиков? А я - Петров, будем знакомы". С этой фразы началось

наше пожизненное знакомство, перешедшее в столь же продолжительную дружбу. Я мог наблюдать его путь и его рост как ученого на всем протяжении его жизни.

В первый же год нашей студенческой учебы В.В.Петров продемонстрировал свое неоспоримое превосходство перед всеми нами, его сокурсниками, минимум по двум пунктам. Все мы, кроме него, поступали на восточный факультет без малейшего представления об избираемой специальности. Он же пришел в Университет, имея уже солидные познания о Китае - стране, которую он решил изучать еще на школьной скамье. Будучи учеником старших классов средней школы, он перевел с немецкого языка на русский книгу по географии Китая, каковой перевод и представил главе советского китаеведения академику В.М.Алексееву. Академик весьма одобрил этот школьный труд - ему импонировали как трудолюбие, так и несомненное владение иностранным языком, одним из тех, знание которых он считал для китаеведа обязательным. Но Виктор продемонстрировал и другое: учась в десятом классе, он проштудировал классический труд В.М.Алексеева "Поэму о поэте" (1916), книгу, по мнению самого автора ее, для прочтения труднейшую и начинающему недоступную. Это строгое филологическое, слово за словом, исследование наисложнейшего китайского текста поэта конца IX века Сыкун Ту "Категории стихотворений" (Ши пинь). Обнаружив у Виктора несомненное понимание прочитанного, В.М.Алексеев навсегда отличил его среди других студентов. Свое отношение к Петрову он однажды продемонстрировал весьма оригинальным образом. В день своего семидесятилетнего юбилея, на обед по случаю которого были приглашены и Петров, и я, хозяин дома сказал, обращаясь к И.М.Ошанину: "Илья Михайлович! Перед вами монстр: он еще в школе одолел "Поэму о поэте!" - На экзаменах он студента Петрова не "опрашивал", а вел с ним род диалога, подхватывая удачный ответ экзаменуемого, и уже сам развивал начатую тему. Обладая уже в начале недюжинными знаниями о Китае, Виктор один из нас был способен в конце лекции задавать В.М.Алексееву серии вопросов, на которые тот с

удовольствием отвечал. (В.М.Алексеев считал, что если после лекции вопросов не последовало, значит, она не удалась, не вызвала интереса, и это его всегда огорчало).

Второе, чем В.В.Петров с самого начала отличался от нас, было точное знание, чем он в китаеведении будет заниматься: его увлекла идея изучения современной китайской литературы. Новейшая литература Китая в то время была изучена чрезвычайно мало, а если и изучалась, то нередко таким образом и в таких вульгарно-социологических терминах, что написанное только при очень снисходительном подходе можно было признать исследованием. Этот "метод" сильно способствовал падению престижа литературоведческой науки (даже сейчас благодаря этому есть люди, литературоведению в титуле науки отказывающие). В.В.Петров решил доказать, что литературоведение - в том числе и изучающее животрепещущую современность - может быть наукой в полном смысле этого слова, что дело не в материале, а в неверно избранном методе. И он начал собирать по журналам, газетам, книгам - китайским, советским и зарубежным - сведения о новейшей китайской литературе, стараясь не пропустить ни малейшего факта, касающегося сочинений, авторов, течений, группировок словесности новейшего времени. Он первый из нас стал публиковать статьи, сначала в виде журнальных очерков, о путях развития этой литературы (первые публикации в журнале "Звезда" в 1951 г.). Но вскоре ему стало не хватать материала: китайские журналы, книги, газеты к нам почти не доходили, и даже в научных библиотеках их было явно недостаточно. Однако вскоре после китайской революции 1949 г. дело начало постепенно исправляться.

Прежде всего, стали приезжать живые люди из Китая, в том числе в составе китайских делегаций. Некоторые из них - китайские студенты и аспиранты, учившиеся в СССР - оставались на несколько лет. Один из них, Ло Юань-чжэн (или Ло Юань-цзэн, как мы его называли, ориентируясь на его сычуаньское произношение), появился в 1948 г. и тогда же стал аспирантом Экономического факультета (сейчас он - один из ведущих

экономистов в КНР). Он не был ни филологом, ни тем более литературоведом, но имел много знакомств в китайских литературных кругах. Однажды, уже в 1950 году он обзвонил нас, своих друзей, с сообщением, что в Ленинград приезжает заместитель министра культуры КНР Ван Е-цю, хороший его знакомый, и пригласил нас на встречу с ним. Несколько студентов, и в их числе В.В.Петров, отправились в Европейскую гостиницу, где остановился Ван Е-цю, и замминистра, оказавшийся веселым и общительным, простым человеком, охотно отвечал на наши вопросы. Как всегда, Петров оказался подготовленным к встрече в наибольшей степени. У него был написан перечень имен интересовавших его авторов с указанием, что именно он хочет узнать о том или ином писателе. Ван Е-цю почти всех их знал лично и взялся передать им письма и вопросники, составленные Петровым. Это было началом обширной переписки, которую Петров вел многие годы со значительным числом китайских ныне живущих (или тогда живших) писателей. В его архиве хранится много собственноручно написанных автобиографий целого ряда китайских авторов. Казалось бы, все было просто - оставалось перевести их на русский язык - и жизнеописание писателя готово. Однако В.В.Петров все данные, сообщенные, как он выяснил, нередко по памяти и с ошибками, тщательно сверял по прессе - газетам и журналам, - по первым публикациям самого писателя, по синхронным предисловиям и послесловиям, по дневникам и письмам.

Кроме опросников, В.В.Петров посылал всем знакомым писателям просьбы прислать ему сочинения, отсутствующие в советских библиотеках и в его личной библиотеке (в принципе, он мечтал собрать у себя дома все, что было создано писателями XX века и в значительной части в этом своем стремлении преуспел). Как правило, он находил отклик у своих китайских корреспондентов, и они присылали ему свои сочинения или в оригинале, или (если это было невозможно) в копиях: переписанные от руки, сфотографированные и ксерокопированные, - все три вида копий есть в его библиотеке и архиве... Собираение

исчерпывающих материалов по современной китайской литературе стало его страстью. Когда просматриваешь его архив, создается представление – отнюдь не беспочвенное – что В. В. Петров поставил своей целью учесть каждого автора, кто хоть раз написал свое имя под сочинением на китайском языке. Главной темой его университетских лекций за все годы преподавания и была литература Китая нового и новейшего времени, начиная с Опиумной войны 1842 г. (когда принято начинать новый период в развитии Китая) и до нынешнего дня.

Отдавая все свое время поставленной задаче, В. В. Петров сознательно ограничивал себя. Имевшие с ним дело прекрасно знали, что трудно найти лучшего, чем он критика, советчика, редактора и в области классической китайской литературы. О его возможностях в этой обширной области знания неоспоримо свидетельствует том "Юаньская драма" (1966), вошедший в серию "Библиотека драматурга". Ему принадлежала идея названного сборника, он произвел отбор наиболее показательных образцов "золотого века" китайской драмы, определил состав переводчиков и написал безупречную вступительную статью, стоящую в ряду лучших в нашей синологии статей о китайской литературе и лишенную мелких огрехов, которые мы часто по лени или надеясь на память не спешим проверить и вовремя выправить, и напоминание о которых потом вгоняет нас в краску.

Еще более показателен другой факт его научной жизни. Будучи одним из немногих, квалифицированно прочитавших и целиком усвоивших "Поэму о поэте" В. М. Алексеева, В. В. Петров хотел продолжить исследования учителя в области китайской поэтики и еще студентом начал изучение знаменитого трактата Лю Се (VI в.) "Резной дракон литературной мысли" (Вэнь синь дяо лун). Усилия его были отмечены В. М. Алексеевым: Виктору был подарен тогда единственный в СССР экземпляр "Резного дракона" с исчерпывающим комментарием одного из наиболее разносторонних ученых XX века, историка и филолога Фань Вэнь-лани. Кто знает, как ревниво относился В. М. Алексеев к своей библиотеке, тот поймет, что такой подарок означал со стороны

учителя безоговорочное признание талантов и возможностей его ученика. Но когда Петрову стало ясно, что нужно из двух задач выбирать одну, что с двумя управиться нет никакой возможности, он с сожалением расстался с Лю Се, чтобы целиком посвятить себя современной литературе. Он надеялся потом вернуться к трактату, когда найдется свободное время, но время это никогда так и не настало, лило, к прискорбию всех, кто понимал, что на такой подвиг, как полный комментированный перевод трактата, был, пожалуй, способен среди нас он один.

Отказавшись от специализации в области классической китайской литературы, В. В. Петров и здесь оставался знатоком и авторитетом неоспоримым. Не жалея его времени, мы постоянно просили его читать наши неопубликованные еще работы и быть "внутренним" рецензентом наших готовых в печать работ. В архиве В. В. Петрова хранятся многочисленные его отзывы о исследованиях его коллег (прежде всего, ленинградских: О. Л. Фишман, Е. А. Серебрякова, Л. К. Павловской, М. Л. Рудовой, Б. Б. Вахтина и многих других, в ряду критикуемых неоднократно бывал и автор данных строк). Отзывы по своему объему часто догоняли рецензируемые труды, а по сути замечаний всегда были неопределимы для авторов рецензируемых работ. Как сказала однажды О. Л. Фишман (после очередного обсуждения, где главная роль принадлежала В. В. Петрову): "какое счастье, что у нас есть такой компетентный и бескомпромиссный рецензент, он нас избавляет от стыда за ошибки, которые могли бы без него остаться незамеченными". Каждый его отзыв – это законченная научная работа, для читателя весьма поучительная, и неплохо бы было отзывы эти собрать и напечатать отдельной книгой.

И все-таки В. В. Петров считал себя специалистом прежде всего в части современной китайской литературы, новой и новейшей, ради которой он практически почти оставил самостоятельное изучение классики. Когда в 1959 году Университет нашел, наконец, возможность послать своих преподавателей – китаистов в Китай, В. В. Петров отнесся к этому с наибольшей возможной серьезностью. Он повел подготовку к

стажировке по двум направлениям: составление списка намечаемых к посещению памятных литературных мест Китая и подготовка к личным встречам с ныне живущими китайскими писателями. Для каждого из предполагаемых собеседников он подготовил опросные листы (копии есть в его архиве). О том, как велась эта массивная атака, лучше меня мог бы рассказать Е.А.Серебряков, стажировавшийся одновременно с ним, я же могу судить об интенсивности стажировки по результатам, присутствующим в его архиве, библиотеке и картотеках. Приведу еще один из наиболее разительных примеров его собирательской деятельности. Находясь на стажировке в Китае, В.В.Петров, проконсультировавшись предварительно с профессором Бао Чжэн-гу, преподававшим в университете в течение почти двух лет, а потом и с одним из крупнейших знатоков современной китайской литературы Ван Яо, главные усилия приложил к отысканию материалов по "Лиге левых писателей". Хотя все знали о существовании этой Лиги, но история ее оставалась почти неисследованной. Вот что В.В.Петров сообщал из Пекина: "...Сегодня нашел нужную книгу для возможной (проектируемой по настоятельному совету Бао и приветствуемой здесь Ван Яо) темы. Пока еще трудно назвать ее (...). Журнальный материал богатейший. Целина, хотя многие толкались вокруг. Есть идеи, но нужно еще все продумать. Во всяком случае, возвращаться с пустыми руками стыдно. Или с полуфабрикатом, или я равен нулю. По крайней мере, сейчас я убеждаюсь, что знаю очень мало. Да, ориентировочно - что-то из периода Лиги левых писателей (30-е годы)..." "Полуфабрикат" составил 8-10 объемистых папок, которые Петров с гордостью демонстрировал жене. Тема его увлекла нешуточно (по его собственным словам, материала хватило бы на четыре диссертации). Он даже готов был ради этой темы преодолеть свое устойчивое отвращение к диссертационным работам, защитам, канцеляриям и чиновникам. Много раз В.В.Петров делал по этой теме сообщения и доклады, готовя почву для защиты. Но серьезное заболевание глаз (в 1972 г.) и потом,

через девять лет, тяжелая операция не дали ему завершить работу. Так был окончательно снят вопрос о защите.

Все сведения, добываемые В.В.Петровым как в периодике и печатных изданиях, так и при личных контактах, классифицировались, разносились по папкам и картотекам и становились частью архива ученого. Результатом явился ряд монографических исследований жизни и творчества современных китайских писателей. Первой была книга об Ай Цине (1957 г.), крупнейшем поэте второй половины XX века. Китайские специалисты с большим пиететом относятся к этому труду, тем более, что в самом Китае даже и сейчас монографического исследования его творчества нет. К этому надо добавить, что Александр Гитович, наиболее выразительно переведший стихи Ай Цина на русский язык, в своей работе пользовался подстрочниками Петрова.

Вторая монография была посвящена Лу Синю (1960г.). Хотя об этом всемирно известном писателе у нас опубликовано несколько книг (не считая переводов его сочинений, как однотомников, так и собрания сочинений в четырех томах), авторами которых числятся Л.Д.Позднеева, В.Ф.Сорокин, В.И.Семанов, все же труд В.В.Петрова был и остается лучшим в этом ряду, наиболее полным и всесторонним исследованием жизненного пути и творчества Лу Синя. Книга В. В.Петрова может служить для всех настольным справочником. Когда я писал свою статью о произведении китайского буддизма IV века "Сутре ста притч" (Бай юй цзин), сведения о том интересе, который питал Лу Синь к этому сочинению, я нашел только в книге Петрова. Изустно же Петров сообщил мне еще ряд дополнительных данных, в книгу не вошедших, обеспечив статью таким образом полнотой приводимых в ней фактов.

В.В.Петров не добивался ученых степеней и не имел их. Но если бы он этого пожелал, "Ай Цин" вполне мог бы стать его кандидатской диссертацией, а "Лу Синь" - докторской. К сожалению, В.В.Петров и слушать не хотел об участии в процедуре

подготовки защиты диссертации, считая ее, эту процедуру, унижительной.

Из других писателей В.В.Петрова в наибольшей степени занимали Ба Цзинь, Цао Юй, Юй Да-фу. С Ба Цзинем у него, например, завязалась постоянная переписка - среди бумаг Петрова хранится более сорока писем писателя. Сейчас Музей современной китайской литературы в Пекине подготовил собрание писем Ба Цзиня, где его переписка с Петровым займет подобающее ей место.

Кроме истории китайской современной литературы В.В.Петров много лет читал еще два курса. Во-первых, он преподавал китайскую иероглифику. У основания этого курса в тридцатые годы стоял М.Ф.Хван, оставивший систематическое руководство к нему под названием "Идеография". Потом, в 40-50-е годы курс вели часто сменявшиеся преподаватели разной квалификации - в то время, как сам М.Ф.Хван пребывал сначала в лагерях, потом в ссылке. В преподавании этой дисциплины после исчезновения ее основателя не было системы и царил произвол. Петров и здесь установил свойственный ему по его привычкам порядок в преподавании этого достаточно важного в китаеведческом образовании предмета.

Но более важным был курс "Введение в китайскую филологию" с семинарскими практическими занятиями по нему именовавшимися "Словари, справочники, библиография". Курс этот был введен В.М.Алексеевым как основа китаеведческого образования, где вырабатывались навыки поиска материалов и конкретных фактов по существующим справочным пособиям. Важным считалось не столько удержание в памяти бесчисленного количества фактов китайской истории и культуры, сколько умение определить, по каким справочникам должно разыскивать требуемый материал. Поэтому рядом с теоретическим курсом, который читал сам В.М.Алексеев, особое значение приобретали практические параллельные курсу занятия, которые при жизни В.М.Алексеева были поручены О.Л.Фишман. Таким образом, с одной стороны, студентам давалась теоретическая подготовка, ведшая их по пути достижения истинной, а не мнимой учености. С

другой же стороны, прививались практические навыки при пользовании весьма многочисленными справочными пособиями по Китаю. После кончины в 1951 г. академика В.М.Алексеева и изгнания из университета О.Л.Фишман курс и семинар, составлявшие, по мысли академика основу китаеведческого образования, остались бы необеспеченными, если бы в это время в состав кафедры не вошел только что окончивший курс наук студент В.В.Петров, которому и было поручено чтение лекций по "Введению в китайскую филологию" и соответствующий семинар. Петров с честью вышел из испытания. Он, вне всякого сомнения, был одним из тех, (наравне с А.А.Холодовичем, С.Е.Яхонтовым, Е.А.Серебряковым), благодаря кому традиции китаеведческого образования, выработанные В.М.Алексеевым и его соратниками по кафедре (Г.Ф.Смыкалов, А.А.Драгунов, О.Л.Фишман и другие), были сохранены.

Я неоднократно убеждался при встречах с китаистами, прошедшими выучку у В.В.Петрова, что они выгодно отличались от остальных именно умением пользоваться справочниками. Однако здесь речь идет о курсах, которые читал В.В.Петров, лишь попутно (эту тему подробно должен раскрыть заведующий кафедрой китайской филологии Е.А.Серебряков). Для моей статьи важно, что все, что Петров рассказывал студентам, он фиксировал самым подробным образом. Кроме записанных текстов лекций (ежегодно пополнявшихся и пересматривавшихся) в архиве В.В.Петрова имеются систематические своды материалов по различной тематике и обширнейшие картотеки, играющие роль указателей. Все это вместе с собранной В.В.Петровым библиотекой составляет неразрывное единство из подлинных материалов, систематизированных сводов сведений и картотек, и изъятие любой из этих частей сразу изменило бы общую картину.

Основу всего, конечно же, составляет книжное собрание, насчитывающее до 6400 томов, в котором одних только справочных пособий около шестисот, - это только китайские книги, а если к этому добавить книги на русском, европейских, японском языках и тексты в копиях, рукописных, фото- и ксероксах, то в целом общее

количество специальных книг в этой библиотеке достигает 14400 единиц. Уникальность этого собрания я могу продемонстрировать одним фактом. Будучи в 1989-1990 г. на стажировке в Китае (как и В.В.Петров, в первый и единственный раз в моей жизни, но моя стажировка задержалась еще на тридцать лет), я посетил недавно открытый на территории императорского путевого дворца в монастыре Ваньшоусы на западной окраине нынешнего Пекина Музей современной китайской литературы и познакомился с его организаторами и руководителями Шу И (сыном знаменитого писателя Лао Шэ), Лю Линем, У Фу-хуйем и многими другими специалистами. Имя Петрова было им хорошо известно. С интересом (для них отнюдь не праздным) выслушали мое сообщение об архиве Петрова, задавали много вопросов. Шу И рассказал, как известный поэт Цзан Кэ-цзя оценил материалы в библиотеке В.В.Петрова. Когда состоялось его первое знакомство с В.В.Петровым, сначала по переписке, а потом и личное, Петров атаковал его своими обычными вопросами и просьбами. Соответственно желанию В.В.Петрова, Цзан Кэ-цзя собрал и подарил ему все имевшиеся у него дома издания его сочинений. А потом произошла так называемая "Великая культурная революция", когда многие архивы и книжные собрания подверглись разгрому и физическому уничтожению, в том числе личные бумаги и книги Цзан Кэ-цзя. Поэт свидетельствовал, что единственное место в мире, где есть сейчас полное собрание его напечатанных сочинений - это библиотека В.В. Петрова. В самом же Китае разыскать многое из утраченного сейчас практически невозможно.

Другой случай. Благодаря стараниям Цао Су-лин, дочери одного из самых активных переводчиков на китайский язык произведений русской и советской литературы Цао Цзин-хуа, в его квартире был открыт небольшой мемориальный музей ее отца. Однако материалы о его писательской и переводческой деятельности собрать оказалось нелегко. Дело в том, что его архив, как и архивы многих других деятелей культуры, был уничтожен в годы "культурной революции". Цао Су-лин побывала в Ленинграде

и тут, в библиотеке и архиве В.В.Петрова, она нашла материалы, вдвое превосходящие те, которые удалось найти в Китае.

"Культурная революция" (названная так, по-видимому, потому, что была направлена в первую очередь против деятелей культуры) отразилась отрицательно и на научной работе советских китаеведов, особенно тех, кто изучал Китай современный. Многие годы поступающая информация составляла бесконечно малую величину, по определению, стремившуюся к нулю. В.В.Петров очень страдал от этого, но и тут по скупым, случайно просочившимся сообщениям, по косвенным данным (таким, как изменение официального отношения к писателю на страницах периодической печати, исчезновение или, наоборот, появление того или иного имени в газетах), по данным европейской прессы, по опросам очевидцев устанавливал судьбу интересовавших его людей, составлял обширные списки и картотеки репрессированных (а потом и реабилитированных) деятелей культуры, среди которых были и Ай Цин, и Дин Лин, и Чжоу Эр-фу, и Ху Фэн и еще многие и многие его друзья, знакомые и корреспонденты. Когда в середине 70-х годов культурная жизнь Китая начала восстанавливаться, появилась скудная сначала, а потом все более обильная китайская пресса, и для В.В.Петрова наступила пора напряженной работы по тщательному учету данных о современной китайской литературе в момент ее возрождения. К несчастью, он недолго пользовался плодами нового периода. Сначала этому мешала усиливающаяся болезнь глаз, заставлявшая ограничить часы работы, а потом и тяжкий недуг, унесший его от нас в начале 1987 г. Многообразный материал, который ему удалось собрать за последние годы, оставался несистематизированным с точки зрения выработанной им методики классификации материала. Мне пришлось после кончины его проделать первичный разбор оставшихся после него бумаг. В подавляющем большинстве материалы архива систематизированы, разложены по папкам и расписаны в картотеке самим фондообразователем. Фонд в настоящее время передан в Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, к фонду начато составление

детального его описания, и всесторонний разговор о его содержании и значении для науки еще впереди. Задачей же настоящих заметок является рассказ о методике, выработанной В.В.Петровым в его работе, и о самом общем впечатлении, оставшемся у меня при подготовке материалов к приему в Архив востоковедов. При этом мне представляется необходимым выразить благодарность вдове ученого Н.А.Петровой, сотруднице Публичной библиотеки в Ленинграде В.В.Бакалюк и работнику Архива востоковедов О.В.Шаталову за безотказную и своевременную помощь и предоставление ряда данных, без которых эта статья оказалась бы неполной.

Ранее я уже упоминал, что В.В.Петров был в числе тех, кто взял на себя труд реабилитации литературоведения как науки с помощью строгого филологического подхода к изучению истории литературы. Его усилия увенчались несомненными успехами, позволявшими ему повторять в поучение нерадивым: "Филология – наука точная!" Впрочем, нередко он добавлял: "в известных пределах", но в этих "известных пределах" неточности, небрежности, ошибки вызывали его гнев и беспощадную критику. Сам он был для проверки на точность неуязвим, ибо никогда не упускал возможности проверить достоверность данных во всей их полноте. Из результатов его борьбы за точность следует особо отметить "Науку о Востоке" В.М. Алексева, снабженную обширнейшим и подробнейшим комментарием, многообразными указателями, исчерпывающей библиографией. В научной прессе сразу же после выхода в свет "Науки о Востоке" появились статьи и рецензии, называющие научный аппарат книги образцовым. Львиная доля работы по составлению комментариев, указателей, библиографии была проделана В.В.Петровым, а там, где материал готовили другие, он все равно проводил самую придирчивую проверку и вносил солидные дополнения.

По составу архива В.В.Петрова устанавливается, что процесс добывания и обработки сведений у него подразделялся на несколько этапов. Первый заключался собственно в получении исходных материалов, то есть книг, журналов, газет, автобиографий,

фотографий и т.п. Причем, если исходный материал (книга, журнал и др.) был сложным по содержанию, фиксировалось оглавление книги или журнала, состав сборника и другие данные, необходимые при первичной обработке. Делались вырезки из газет, ксерокопии, фотокопии – с наибольшим приближением к полноте текстов. Следующий этап заключался в классификации данных по авторам, литературным направлениям, тематике, материалы раскладывались по папкам, каждая из которых получала соответствующее наименование и номер. На следующей ступени составлялись подробнейшие картотеки, к содержанию которых мы еще вернемся. Кроме того, каждый раздел архива сопровождался составленной самим В.В.Петровым сводкой сведений по данному вопросу, литературной группировке, автору. И наконец, завершало все эти разработки написание статей или больших работ, в конце концов превращавшихся в книгу.

В результате архив В.В.Петрова стал уникальным собранием сведений, разобранных, классифицированных и обобщенных по трем основным разделам: современная (новая и новейшая) китайская литература, введение в китайскую филологию и русское и советское китаеведение. В целом, архив состоит из 174 канцелярских папок. Не ставя своей целью дать сейчас полное описание всего архива, приведу только общие данные по объему и распределению материалов, касающихся китайской литературы нового и новейшего времени. 55 папок составляют материалы по китайской литературе с подробной росписью сборников, журналов, газетных статей. 29 папок с подборками по авторам, литературным течениям и обществам по алфавиту авторов от А до Я. Наиболее крупные писатели выделены особо, среди них Лу Синю посвящено четыре папки, Ай Цину и Ба Цзиню по три папки, Го Мо-жо – 2 папки, Цао Юю, Цюй Цю-бо, Юй Да-фу, Цзян Гуан-цы, Ли Цзи, Пу Фэну, Сяо Саню (Эми Сяо), Тянь Ханю, Ху Фэну, Цзан Кэ-цзя, Чжэн Чжэнь-до, Юань Шуй-по, Лао Шэ, Мао Дуню по одной папке. Остальных по несколько в одной папке. Каждый писатель, литературное направление снабжены библиографической справкой, где отмечены достаточно подробно основные даты

жизни, участие в литературных течениях, выходившие книги и сборники. Справки деловые и точные, основательные и надежные и, сведенные воедино, могут составить био-библиографический словарь современной китайской литературы, более подробный, нежели все изданные доныне, в том числе и в самом Китае, справочники по этому вопросу.

Целая серия папок, числом не менее пятнадцати, посвящена вопросам сводной истории новой китайской литературы и ее изучению. Сюда входят: литература XIX в. и литература XX века - по одной папке, история развития литературных связей Китая - одна папка, русская классическая и советская литература в Китае - 2 папки, история изучения китайской литературы в Европе и СССР - восемь папок, материалы по истории изучения современной литературы Китая - 2 папки, и т.д. Этот раздел архива включает целый ряд практически готовых, но лишь частично опубликованных работ, которые в целом могут составить сборник, дающий прекрасное, строго документированное и достаточно многостороннее представление о китайской современной литературе - особенно, если включить в сборник печатные предисловия и послесловия к сочинениям ряда писателей в переводах на русский язык. В.В.Петров, чрезвычайно - даже можно сказать, чрезмерно - строгий к себе, считал возможным опубликовать при жизни лишь небольшую часть им написанного: кроме двух книг (об Ай Цине и о Лу Сине), статьи о Лао Шэ, Ба Цзине, Цао Юйе, Юй Да-фу, обзорные статьи по литературным течениям, публиковавшиеся в научных и литературных журналах.

В библиотеке В.В.Петрова, хранящейся ныне как персональный фонд ученого в Отделе Востока Государственной публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, сочинения китайских писателей XX века занимают особое место. Собирателю библиотеки хотел иметь все, что было написано и опубликовано современными китайскими литераторами. Можно уверенно сказать, что с книгами многих из них и кроме упоминавшихся выше Цзан Кэ-цзя и Цао Цзин-хуа дело обстоит сходным образом: очень значительную часть их литературного

наследия легче найти в собрании Петрова, чем в Китае. Эта часть фонда подлежит специальному учету на предмет установления раритетов и включения в сводную опись современных авторов и их сочинений, составляемую сейчас в Музее современной китайской литературы в Пекине.

Вторая важная часть библиотеки В.В.Петрова - это собрание справочников самого различного характера: словарей, индексов, таблиц, библиографий, биографических сводов и т.д. При его максимализме В.В.Петров не мог остаться просто лектором, поучающим студентов. В любом изучаемом предмете он признавал только те выводы, которые основывались на полном наборе достоверных фактов. В названном курсе в основе его должно было, по мнению Петрова, лежать комплексное знание всего существующего справочного материала, находящее свое выражение в сериях аннотированных справок. Как и многое в научном творчестве В.В.Петрова, такой подход был выполнением завета В.М.Алексеева, написавшего для обеспечения своего курса обширную "Рабочую библиографию китаиста", книгу уникальную и оригинальную, но именно поэтому - до сих пор не опубликованную: содержание и подход ее автора к материалу вызывает неизменно сопротивление ревнителей схем и шаблонов. Учет и осмысление справочной литературы занимали В.В.Петрова во вторую очередь (после современной китайской литературы), что совсем не значит меньшей тщательности в выполнении этой (черной, неблагодарной) работы. К концу жизни Петрова библиография справочников, составляемая им, достигла более чем шести тысяч (!) названий, и все это нашло свое отражение в картотеках. Максимализм же заставлял его разыскивать в разных странах корреспондентов, интересующихся книгами на русском языке, высылать эти книги, не считаясь с расходами, и получать взамен недостающие книги в свою библиотеку.

Еще одна важная часть библиотеки - китаеведение. Собирая биографические и библиографические сведения о китаеведах, В.В.Петров старался иметь по возможности все выходящие книги и статьи о Китае и по истории китаеведческой науки. Наиболее

важное он покупал в нескольких экземплярах, памятуя, что зарубежные китаеведы будут стремиться заполучить эти книги и, в порядке обмена, снабдят его недостающей специальной литературой. Особенно ценил В.В.Петров отдельные оттиски статей из сборников и журналов. Собрание оттисков с дарственными надписями и авторской правкой занимает в коллекции В.В.Петрова весьма солидное место. Вся информация, касающаяся печатной продукции и архивов китаеведов, снабжалась краткими биографическими справками и дополнялась фотоархивом, где есть много редких и уникальных фотографий. Нередки случаи, что фотографии китаеведов и их окружения обнаруживаются только в фотоархиве В.В.Петрова.

Архив и библиотека тесно связаны с третьей частью наследия В.В.Петрова – с его картотеками. Наши наставники (и среди них не только В.М.Алексеев, но и В.М.Жирмунский, и А.А.Драгунов) советовали студентам не полагаться на свою память, но с самого начала все имеющиеся у них данные расписывать в картотеки. В.М.Алексеев читал даже для аспирантов специальный курс лекций "Роль памяти в жизни ученого", где доказывал, ссылаясь на свой собственный жизненный опыт, что память человеческая "дефектна" (по его выражению), и ученый может в один прекрасный день обнаружить, что он ничего не помнит. У самого у него, по его словам, такой момент однажды наступил, и ему пришлось, "проклиная свою педантичность", потратить чуть ли не полгода напряженной работы, расписывая на карточки знания, приобретенные за десятилетия синологических штудий. Вывод был ясен: каждый должен, чтобы не оказаться в таком же положении, с первых шагов в науке, на студенческой скамье вести картотеки, в которых все узнаваемое зафиксировано с предельной точностью. И это при том, что сам В.М.Алексеев обладал, с нашей точки зрения, блестящей памятью. Сам же он любил демонстрировать примеры Н.Я.Марра или С.Ф.Ольденбурга, никаких картотек не ведших и тем не менее точно помнивших все. Мы же поражились, когда он приходил в аудиторию и после установления, что мы не знаем таких-то и таких-то произведений русской литературы, заключал:

"Я богат перед вами! Я вчера подсчитал, что я знаю наизусть пятьдесят две басни Крылова". По свидетельству очевидцев, во время войны, когда Институт востоковедения отправлялся в эвакуацию, весь вагон собрался у купе, где ехали В.М.Алексеев и А.А.Фрейман, наблюдая, как эти два воспитанника Кронштадской гимназии в течение нескольких часов, сменяя и поправляя друг друга, соревновались в знании наизусть греческих и латинских текстов. И при такой памяти В.М.Алексеев жаловался на ее дефектность и советовал нам все фиксировать! Студенты, естественно, благие советы пропускали мимо ушей, откладывая начало усердных трудов на более или менее отдаленное будущее – но не Петров! Он тоже обладал редкой памятью, которая помогала ему при чтении научных трудов, нигде не справляясь дополнительно, получать обильный улов огрехов, неточностей и ошибок, которые он тут же сообщал авторам. И тем удивительнее было узнать, что все конкретные сведения в мельчайших деталях зафиксированы не только в его памяти, но и в его картотеках. Когда С.Д.Милибанд выпустила в свет "Биобиблиографический словарь советских востоковедов", В.В.Петров предложил солидное количество поправок к нему – и не только в биографиях и библиографии китаистов. В.В.Петров небезосновательно утверждал, что нельзя доверяться, особенно в области конкретных данных и дат, рассказам человека о своей собственной жизни, что нужно везде, где это возможно, проверять все по подлинным документам, архивам, синхронной прессе и т.п. И автор словаря с благодарностью принимала его поправки.

Картотеки В.В.Петрова – добрых полтора десятка кубов, набитых карточками, – составляют параллель его архиву и библиотеке. Основной частью здесь является алфавит китайских писателей, в котором для каждого автора указаны не только все сочинения и сборники, но и все появления каждого сочинения в печати от первой публикации до включения в собрания сочинений. Дополнительно зафиксированы журналы и газеты, сборники смешанного содержания, коллективные труды, литературные общества, их состав, хронология их деятельности. В части,

посвященной справочным пособиям, кратко указаны структура и основное содержание каждого пособия (в плане полезных сведений, которые могут быть из него извлечены). И, наконец, раздел китаеведения, где в алфавите китаеведов перечислены основные биографические данные (проверенные по документам) и указана полная библиография трудов (проверенная по источникам). Карточки В.В.Петрова хранятся в Восточном отделе Публичной библиотеки вместе с его библиотекой.

Примером активного и плодотворного использования В.В.Петровым данных его карточек может служить не только справочный аппарат в "Науке о Востоке" В.М.Алексеева, но и библиография трудов В.М.Алексеева, составленная В.В.Петровым в двух частях: первая вышла к 90-летию, вторая - к столетию юбилею В.М.Алексеева. Все данные этой библиографии, проверенные *de visu* самым придирчивым образом (сейчас один Бог знает, сколько времени Петров провел для этого во всех доступных ему книгохранилищах), включают и краткие аннотации по содержанию и даже указания на опечатки в названиях сочинений и именах людей. Библиография может в не меньшей мере считаться образцовой во всех отношениях, чем научный аппарат в упомянутой книге.

В.М.Алексеев стремился превратить свой кабинет в, как он выражался, "рабочую лабораторию китаиста". Мы заимствовали эти слова для архива, библиотеки, карточек В.В.Петрова с полным на то основанием: он единственный - кто мне известен - с наибольшим приближением применивший этот тезис к своему рабочему кабинету. Его "рабочая лаборатория" стала единственным в своем роде кладезем научных материалов и текстов. Он нередко предоставлял возможность другим лицам работать в его библиотеке и над его материалами, но никогда не давал ни книг, ни материалов на дом никому, опасаясь их утраты. В то же время он безотказно снабжал обращающихся к нему за помощью необходимыми справками, и в качестве его консультаций не было случая усомниться.

К В.В.Петрову полностью приложимы слова, сказанные В.М.Алексеевым о другом его ученике, К.К.Флуге: "Он был (...) из тех, именно, которые знания не хватают элементарным методом или путем чтения чего попало, - только бы побольше было страниц, а из тех, которые, как некогда говорил Конфуций, знают то, что знают твердо: остальное же за знание не почитают".